

ВЕРСИЯ

Рос. Вестн. - 1994 - 10
сент. - с. 3.

Читал ли Шолохов «Тихий Дон»?

Я выбрал естественнонаучное образование, поскольку тогда в Литературном институте учиться было нечему. Пока мои сослуживцы внедряли удобрения в грядки садовых участков и проводили досуг в очередях за колбасой, я добросовестно осваивал ту ветвь литературоведения, которая получила название структурно-аналитического анализа текстов.

Эти занятия и привели меня в редакцию. Ровно через год будет отмечаться 90-летие со дня рождения Шолохова. Кампания по достойной подготовке мероприятия уже началась и развернулась так, будто ее устроители слыхом не слыхивали о результатах структурно-аналитического анализа текстов юбилея.

Когда журналист Лев Колодный обнаружил автографы шолоховских черновиков в приложении к «Тихому Дону», результаты исследований превратились в детектив, а не в обычные для науки итоги. Эксперты Петровки, 38, составили протокол, зачитанный на заседании Института мировой литературы. Начинаясь он словами: «Текст изготовлен Михаилом Шолоховым».

Перебеленные листы, напоминающие наборную рукопись, и несколько страниц со следами литературной правки, идентичные первоначальному тексту вплоть до ошибок, Лев Колодный сопроводил словами из письма Шолохова Фадееву: «Направляю вам свою рукопись вместе с фрагментами не вошедших в нее черновиков...». Сомнения, что все это написано нобелевским лауреатом, ни у кого нет. Другое дело, сопоставимо ли авторство в изготовлении рукописи и текста?

Положим, друзья Шолохова действительно сохранили рукопись первого варианта книги. Но почему они не передали этот факт огласке, когда в 1965 году после присуждения «классику» Нобелевской премии в печати разгорелись споры? Когда после выхода в свет книги Ирины Ромашевской «Стремля «Тихого Дона» они переросли в скандал? Благодаря периодической печати обстоятельства дела были широко известны. Можно ли представить, чтобы некто хранил неизвестный роман Достоевского, который ищут, и в результате отдает его в руки какого-то журналиста? Происхождение такой рукописи вызвало бы сильные подозрения. Странно, что Шолохов в течение сорока с лишним лет не смог вспомнить, кому он ее отдал... Что ему помешало? Загадка!

Ответ на нее можно найти, если обратиться к пикантной ситуации, имевшей место в истории «Тихого Дона». Шолоховеды были до глубины души возмущены состоявшимся в 1954 году изданием романа. Несколько сотен страниц общеизвестного текста в книге отсутствовали, столько же было дописано наново. Донской говор напрочь исчез... Виновником случившегося объявили редактора книги Потапова, партийного журналиста, никогда не писавшего толстых романов. Шолохов говорил, что последний превысил свои полномочия... Хотелось бы знать, как 49-летний писатель, классическое произведение которого переиздается, отдал роман на доработку и после нее даже не ознакомился с версткой? В истории литературы не было примера, чтобы автор узнавал, о чем написана его книга, какие сюжетные линии и главы в ней появились и какие исчезли, только после ее выхода из печати.

Готовя следующее произведение, Шолохов заявил: «Все, что дописал этот человек, я выкинул, а все свое - вставил на место!» Даже не обладая гуманитарным образованием, ясно, что для восстановления текста никакой переработки не нужно, достаточно стереотипно воспроизвести предыдущий вариант.

Апокрифическая редакция Потапова могла появиться как продукт «переосмысления» прошлого, вызванный перестановками в высших эшелонах власти, которые в начале 50-х годов привели к отставке Буденного с Ворошиловым и требовали пересмотра написанной «под них» истории гражданской войны. В таких делах советская культура поднапорела изрядно...

Советский классик Шолохов возник как явление, поскольку РАППу нужно было создать «в доску» своего великого писателя. По анкетным данным для этой роли не подходили ни Серафимович, ни Сергеев-Ценский, имевшие в литературе богатое дореволюционное прошлое. Горький жил в эмиграции. Выбор пропаганды пал на Шолохова.

Искать автора «Тихого Дона» бессмысленно. В тексте романа можно найти следы многих донских писателей, в том числе и Крюкова, и других, не самых известных, большие вкрапления тогдашней литературы о гражданской войне. Просмотрев указанные Шолоховым белогвардейские мемуары, литературоведы Макаровы обнаружили, что целый ряд эпизодов «классик» почти дословно перенес в роман непосредственно оттуда. На основании этого в книге «Цветок татарника» они делают скоропалительный вывод, что авторами «Тихого Дона» могли быть белогвардейские генералы.

Дело не в том, чьи еще цитаты могут быть обнаружены в злосчастном тексте. В целом роман представляет собой мозаику, в которой чередуются лирические, военные и исторические главы, практически не связанные между собой. Ничего не произойдет, если лирическую часть перенести в конец. Григорий горевал бы точно так же, если бы Аксинья умерла по той же причине двумя годами позже, в 1916-м.

Обнаружив столь большое количество вкраплений, мы можем поставить только один вопрос: является ли Шолохов автором компиляции? Скорее всего это плод работы целого коллектива, бригады литературных поденщиков, прикрепленной «в помощь» молодому писателю. Чистовую обработку и доводку мозаичного текста могли поручить какому-нибудь классику, например, Серафимовичу. Что же касается Шолохова, не исключено, что он вообще не читал «своего» романа.

Не буду голословным. Зеиф Барсела, автор публикаций в журнале «Даугава», обращая внимание, что Шолохов называет прусский город Салюпин «Столыпин», высказал интересное предположение: грубые ошибки некоторых фрагментов «Тихого Дона» обязательно будут изложены верно. Он оказался прав. В книге берегли каждое слово, вставляя и черновик, и основной текст. Зеиф приводит и другой пример. В списке донских округов и станиц в одном случае возрастает количество станиц, в другом - округов. Административное деление на округа могло, конечно, меняться, но основать станицу - почти то же самое, что построить новый город. Кто стал бы этим заниматься во время гражданской войны? Автор, хоть раз перечитавший книгу, не мог не исправить подобного «ляпа» в следующем издании. И если ошибки по-прежнему остались на местах, напрашивается тот же вывод: «классик» с текстом не ознакомился.

Возможно, советский писатель имел моральное право публично требовать смертной казни для своих коллег, как делал это Шолохов с трибуны партийного съезда. Но не проверить географические названия по атласу профессионал не мог.

Многие мысли в книге не стыкуются. Так, в разных фрагментах отношение и к первой мировой, и к гражданской войне у Шолохова оказалось разным. А ведь роман, по идее, целиком написан

в советское время, когда оба эти события отошли в прошлое и получили в сознании современников устойчивую оценку.

Мы сталкиваемся с глубоким несоответствием личности «творца» приписываемому ему роману. Независимо от того, чему посвящено произведение, писатель, зарекомендовавший себя на страницах книги высочайшим гуманизмом, не может не отразить современную ему жизнь в любом своем произведении. Сознательно или нет, он сделал это, в надежде, что когда-нибудь, пусть не сейчас, не сразу, его услышат и поймут. Шолохов - писатель политический, он не претендовал ни на единое слово правды. Глядя на то, как пухли с голода его односельчане, он размышлял, как написать о гражданской войне, чтобы не задеть никого из сильных «мира сего». В том слое псевдоистории, в котором оказалась тогдашняя Россия, ежедневно менялись герои и подвиги, о которых сегодня было можно и нужно вспоминать, а завтра - предстояло забыть навсегда. Чтобы выйти из тупика, в текст романа были включены колоритные сценки, бои, описание природы, словом, все, кроме концептуальных высказываний о гражданской войне, рассказывании, военном и послевоенном голоде, доводившем людей до каннибализма.

«Тихий Дон» - это слепок с тогдашней литературно-политической жизни. Шолохов был не исчадием ада, а всего лишь законченным продуктом эпохи, вдобавок имевшим ходы в Кремль. Когда было прекращено печатание «Тихого Дона», Шолохов пожаловался Сталину, что троцкисты, занимавшие какие-то посты, мешают публикации. Неужели этот факт укладывается в биографию великого гуманиста? Что, он, как граф Монте Кристо, решил отомстить за рассказывание? Конечно, нет. В мемуарах Хрущева описана такая сцена: Шолохов просит отпустить его в Швецию одного.

- Ты дурак, дров наломал, - говорит Никита Сергеевич нобелевскому лауреату, глубочайшему человеку...

«Тихий Дон» в те времена воспринимался, как нечто великое. Сравнить роман было не с чем, он занял в сознании людей неподобающее место. Когда мемуары Деникина, Краснова, архив Русской революции были опубликованы заодно с полноценными художественными произведениями, созданными в то же время, что и «Тихий Дон», восприятие романа изменилось. Теперь он уже не кажется таким глубоким и серьезным, как раньше. Когда политические страсти улягутся, вероятно, эта книга займет в истории литературы особое место не в силу таланта создателя, а по совершенно иной причине - она станет уникальным полигоном для отработки методик определения авторства, анализа подтекстов, интертекстов и других текстуральных методик литературоведения.

Остается непонятным, почему поклонникам «Тихого Дона» вопреки очевидности все-таки хочется доказать, что именно Шолохов был его автором. Почему, если это произведение кажется им подлинно великим, они не хотят удовлетвориться самим фактом его существования в русской культуре, как, скажем, «Словом о полку Игореве»?

Леонид КАЦИС,
литературовед, кандидат
филологических наук.